

# НАША СТРАНА

Editor-Director  
TATIANA X. DE DUBROWSKY  
CasiHa de Correo 2847  
Buenos Aires

Argentina

ЕЖЕНЕДЛЬНАЯ ГАЗЕТА  
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

## "NUESTRO PAÍS"

SEMANARIO MONARQUICO BUENO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Correo  
Argentino  
Suc. 30 (M)

FRANQUEO PAGADO  
Concesión No. 4233  
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXI

Buenos Aires, Martes 11 de febrero de 1969

Буэнос Айрес, вторник 11 февраля 1969 года № 991

АЛЕКСЕЙ РОСТОВНА РОДИНЕ

**365. ПОКУЩЕНИЕ У БОРОВИЦКИХ ВОРОТ КРЕМЛЯ. — "ЖИВЫЕ ФАКЕЛЫ" В ПРАГЕ И ДРУГИХ ГОРОДАХ. — ПРОЦЕСС НАЧАЛЬНИКА ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ ВАСИЛИЯ КЛИМОВА. — РУКОПИСИ ПОКОЙНОГО ПИСАТЕЛЯ С. Я. МАРШАКА И ЛЖИВЫЕ МЕМУАРЫ МАРШАЛА Н. И. КРЫЛОВА. — СМЕРТЬ ИЗВЕСТНОГО ГЕОГРАФА АКАДЕМИКА А. А. ГРИГОРЬЕВА.**

Я обычно воздерживаюсь от описаний космических полетов, ибо недостаточно компетентен для их технической оценки, но в этот раз остановлюсь на полетах двух космических кораблей "Союз-4" и "Союз-5" в связи с неожиданным их финалом.

Через сутки после вылета "Союза-4" с подполковником авиации В. А. Шаталовым 15-го января с аэродрома в Байкальске вылетел "Союз-5" с подполковником авиации Б. А. Волыновым, инженером А. С. Елисеевым и подполковником авиации Е. В. Хруновым. На другой день оба корабля состыковались (новый русский глагол, порожденный космической эпохой), Елисеев и Хрунов надели скафандры, вышли в космос, совершили ряд операций и перешли в "Союз-4", в котором вместе с Шаталовым вернулись на землю. Через сутки спустился недалеко от Караганды на "Союз-5" Волынов.

СССР опередил Соединенные Штаты в 4-х отношениях:

1. Советские космические корабли плавно спускаются на землю, а американские опускаются только на водную поверхность.

2. В СССР все время вступают в строй новые космонавты, а в США участники первых полетов снова поднимаются в космос, словно нет им достаточно смены.

3. Поднялась в космос девушка Валентина Терешкова, которая потом вышла замуж за космонавта Николаева и родила здоровую девочку, что доказывает, что полет не повредил здоровью обоих будущих супругов и не лишил их возможности дать здоровое потомство.

4. Впервые состыковались два советских корабля и два авиатора перешли из одного корабля в другой. Совместный полет состыкованных кораблей положил основание первой космической авиастанции.

Мне вспомнилось, как Хрущев должен был встречать в Москве очередных космонавтов, но пока они заканчивали полет, он был свергнут и их встречал вместо него Брежнев. Неустойчивость политического положения в стране такова, что скорее может гарантировать благополучное возвращение космонавтов чем то, что их встретит тот "последыш" Хрущева, при котором они поднялись с земли.

22-го января прилетели в Москву для

документы. Так они въехали в Кремль через Боровицкие ворота, направляясь к дворцу Съездов. Во второй машине следовали генерал-майор авиации Береговой, Терешкова с мужем Николаевым и Леонов, смотревшие через стекла окон автомашины на приветствовавшую по обеим сторонам пути толпу. За ними якобы следовали три машины с родными четырех новых космонавтов, в шестой машине сидел Брежнев с охраной, а в седьмой Подгорный.

Когда сопровождаемые охранниками на мотоциклах машины замедлили ход при въезде в ворота, молодой человек лет 20-ти в форме милиционера отделился от цепи милиции и начал стрелять одновременно из двух револьверов по второй машине, причем первыми же выстрелами легко ранил мотоциклиста, схватившего рядом со второй машиной, тяжело ранил шофера этой машины и осколками посыпавшегося оконного стекла попадал шею нагнувшемуся при выстрелах генералу Береговому. Бросившиеся к нему другие милиционеры обезоружили и арестовали покушавшегося, которого толпа якобы хотела избить.

Я лично смотрел по телевизору передачу этого момента: видна была автомашина космонавтов, приближившихся к воротам, затем та же машина по выходе из ворот. На первом снимке они стояли лицом к толпе и приветствовали ее, но на втором они все повернулись назад, словно отвернувшись от приветствовавших их, и смотрели на что-то происходящее позади них. Это был самый момент покушения.

После ареста покушавшегося незнакомца и замены раненого шофера, тотчас отправленного в госпиталь с раненным мотоциclistом шествие продолжалось. Журналисты во Дворце недоумевали, почему при аккуратности подобных церемоний, непонятно задерживалась вход в зал космонавтов, их сопровождающих родных и руководителей партии и правительства. Лишь через четверть часа против расписания вступили в зал гости и хозяева, отвечавшие на приветствия. Аплодисменты по адресу Брежнева были продолжительными и он, улыбаясь, раскланивался. Многие в зале уже знали, что он счастливо избежал смертельной опасности.

Радио, телевизия и ТАСС в тот же вечер сообщили, что против космонавтов стрелял русский юноша (фамилия не названа, ибо ее еще проверяют, как и его первые показания, которые останутся тайной), страдающий шизофренией. Но на другой день "шизофреник" в новом сообщении назван "провокатором", что означает сознательный террористический акт, совершенный обдуманно и хладнокровно.

Никто не поверил, что покушавшийся хотел убить ни в чем неповинных космонавтов, хотя для успокоения русских и иностранных зрителей, от которых невозможно было скрыть самый факт покушения, пушен слух, что покушавшийся мог быть "религиозным фанатиком", желавшим покарать космонавтов, про никших в небеса, где находится Господь Бог. Но это пояснение слишком нелепо. Помним, как первые космонавты говорили, что не встретили Бога и не обнаружили в космосе рая, что использовали работники антирелигиозной пропаганды, но теперь прошло много времени от этих утверждений и этот аргумент всеми забыт, а потому никто не стал бы из-за этого стрелять в новых космонавтов, ничего о Боге не говоривших и не оскорбивших религиозные чувства верующих.

Также нелепо было бы думать, что это акт личной мести или злобы против русских людей, успехами которых

Один из самых глубоких и самых симптоматических догматов православия заключается в том, что никоное таинство не может передать своей благодати без добровольного и сознательного приятия его. Следовательно, таинство, переданное автоматически или насилиственным путем, не имеет никакого значения. Это есть принципиальный отказ от автоматизма и от насилия, а также принципиальное признание свободы человеческого духа, долженствующего сделать свой свободный выбор между добром и злом. Поэтому православие не понуждает прийти к Богу, как католицизм, и не торгуется с Богом как протестантизм. Отсюда идет совершенно иная, чем на Западе, тенденция национального и государственного развития России.

Национальное единство страны не трудно удержать в дни счастья и успехов. Наше же удержалось в дни величайших страданий и величайшего унижения.

Иван СОЛОНЕВИЧ

## ОТ РЕДАКЦИИ:

Ввиду полного ремонта помещения типографии между 14-м и 24-м февраля все типографские работы на это время будут прекращены. Таким образом, следующий номер "Нашей Страны" выйдет 25-го февраля.

гордится весь народ без различия политических убеждений.

Но другое объяснение напрашивается само собой.

В прежние разы единственный космонавт ехал на первой автомашине либо с женой и Хрущевым, либо с женой и детьми, а во второй следовал Хрущев. Если было несколько новых космонавтов, то они занимали всю первую машину, а во второй следовали вожди или члены их семей. Поэтому покушавшийся твердо знал, что в первой машине вождей нет, но во второй или третьей они могут быть. Вот почему он пропустил первую машину и стал всматриваться в видневшиеся в окна лица пассажиров следующих машин. Во второй он ясно увидел в окошко Берегового, который лицом очень похож на Брежнева. У обоих густые черные брови, чего нет у других членов политбюро и космонавтов, затем крупные черты лица с выдающимся несколько вперед бритым подбородком, большим ртом и толстыми губами. Поэтому вполне понятно, что на расстоянии пяти метров или несколько дальше можно было принять Берегового за Брежнева. Не забудьте, что его присутствие во второй или третьей машине было более, чем вероятно.

† 1-го июля 1968 года в гор. Мисионес (Аргентина) на 73-ем году жизни скончалась

ВЕРА МИТРОФАНОВНА ПОПОВА,

о чём с глубоким прискорбием сообщают сын и невестка покойной.

† 19-го января с. г. в гор. Барилоче (Аргентина) скоропостижно скончался ГЕОРГИЙ МИТРОФАНОВИЧ КИСЕЛЕВСКИЙ

Погребение состоялось в гор. Барилоче.

1-го марта с. г. после Всенощной в храме Св. Владимира (San Martin 344, Villa Ballester) будет отслужена ПАНИХИДА,

о чём сообщают сыновья и семья покойного.

Поэтому, стремясь его не пропустить, "милиционер" отдался от цепи, подошел на расстояние в пять метров и стал на колени, чтобы удобнее стрелять в окошко замедлившей ход автомашины.

За полувековую историю порабощенной России не промахнулись эсэры Сергеев, застреливший Володарского, Моисей Канегиссер, поразивший наповал Урицкого и Николаев, расправившийся с Кировым. В августе 1918 года Фанни Каплан лишь ранила Ленина, а ряд других покушений вообще не удалось благодаря аресту террориста еще до первого выстрела. В эмиграции не промахнулись ни Мориц Конради, ни Борис Коверда.

Нам рано судить о покушении, которое было хорошо задумано, но плохо выполнено. Если стрелявший не служил сам в милиции, охране Кремля или органах КГБ, то это был юноша, который смог достать форму милиции, имел в кобуре один пистолет казенного образца и в кармане второй, ибо стрелял одновременно обеими руками из обоих, став на колени, чтобы удобнее быть снизу вверх через окно автомашины. Он стрелял лишь тогда, когда увидел похожее на Брежнева лицо, но технически не мог его поразить. Будь это Брежнев, он отделался бы царапинами на шее, которые достались похожему на Брежнева лицом Береговому.

Все это не меняет политического значения самого террористического акта: впервые через полвека с лишним повторяется публичное покушение на главного вождя коммунистической партии. Поражает халатность властей: как мог посторонний человек стать в ряды милиционеров, которые должны были знать в лицо своих товарищих. Впрочем в подобных случаях могут быть перемешаны милиционеры разных районов города и потому они могут не знать в лицо друг друга. Но как он достал обмундирование, где достал оружие? Над этим ломают голову москвики и иностранцы, этого пытаются добиваются от него следователи. Во время торжественного заседания во дворце Съездов через полчаса после покушения иностранные журналисты видели, как подходили несколько раз и подавали записки председателю КГБ Ю. В. Андропову и как некоторые из них он передавал сидевшему на первом месте Брежневу. Это несомненно были самые первые рапорты, свидетельствовавшие, что покушавшийся арестован, что ему 21 год и он русский. На последнем настаивает сообщение ТАСС и сообщение Отдела печати Министерства Иностранных Дел иностранным журналистам, чтобы избежать взрыва антисемитизма в партийных кругах, которое наблюдалось после террористических актов Фании Каплан и Моисея Канегиссера.

На другой день, 23-го января, состоялась в Академии Наук обычная пресс-конференция космонавтов под председательством президента Академии Наук М. В. Келдыша. Но после сообщений новых космонавтов о полете иностранные журналисты стали спрашивать, что заметили сидевшие во второй автомашине космонавты, когда в них стали стрелять и на Берегового посыпались осколки битого оконного стекла. На этот вопрос сидевший в этой машине с Береговым, Терешковой и Николаевым Леонов отвечал, что он привык к разным ощущениям космонавта в космосе, где он не встретил ничего для него неожиданного и был ко всему подготовлен, а стрельба по автомобилю, в котором он ехал, была для него неожиданной. На вопрос американского журналиста, ощущал ли он страх, Леонов довольно неудачно ответил, что об этом можно осведомиться у его соотечественников, которые сами испытали стрельбу по автомобилям.

Отсутствие всяких данных о террористе породило массу нелепых слухов: кто предполагает, что стрелял "косыгинец", мстивший за удаление Косыгина, кто говорит, что стрелял военный — орудие советских милитаристов, кто уверяет, что военного подослали стрелять агенты Пекина, иные видят в нем подосланного американцами террориста, наконец, раздаются голоса, что это стрелял сионист, хотя и было сообщено о нем, что он русский, т. е. не принадлежит по крови к другому проживающему в СССР народу.

Самосожжение чешского студента философского факультета Яна Палаха, вызвавшее девять аналогичных самосож-

жений на манер буддистских бонз, вызвало бурю возмущения против советской оккупации Чехословакии. Самосожжения последовали в Брatisлаве, Пильзене и других городах. Примеру Палаха последовал погибший в жестоких муках студент, обливший себя керосином в Будапеште на ступеньках государственного музея.

Несчастная чешская студентка отравила себя газом, оставив записку, что должна следовать примеру Палаха, но у нее не хватает решимости обречь себя на столь мучительную смерть, а потому отправляется газом. Пока умерли в мучениях Палах и венгерец Шандор, а прочих обгорелых студентов и рабочих в Чехословакии и Югославии еще пытаются спасти. Похороны Палаха, за гробом которого шло 300.000 человек, съехавшихся со всех концов республики, превратились в грандиозную демонстрацию сдержанного народного горя. Не было ни одного враждебного ССРС возгласа, как обещали студенты и рабочие правительству, но это молчание много говорило о ненависти народа к тем коммунистическим правителям, которые послали неповинных солдат оккупировать страну.

Президент Свобода верно сказал, что народу нужны живые патриоты, а не самоубийцы. Лицо считаю, что Палах войдет в историю наравне с Яном Гусом, как национальный герой, но его самоубийство не ускорит освобождения его родины. Против нацизма боролись партизанской и убийством германского генерал-губернатора Гейдриха, но не прибегали к самоубийствам, которые не прошибут толстокожих членов политбюро ЦК КПСС.

Накануне похорон выяснилось, что 23-го декабря взлетел на воздух около станции Лович на линии Варшава-Познань советский поезд с боеприпасами. Сбежавшее население соседних деревень оказалось отравлено газами. Погибло 35 человек, а свыше ста лежит в больницах. Пожар прекращен подспесившими пожарными в противогазах, но население пяти ближайших деревень пришло звакуировать до обеззараживания пораженной газами местности. Так выяснилось, что оккупационные войска в Чехословакии, как, вероятно, в Вост. Германии и Венгрии и самой Польше, снабжены снарядами, начиненными неведомым смертельным газом, которым будут травить население в случае восстания.

20-го января после пятидневного процесса в Харькове приговорен к расстрелу Василий Климов, занимавший в 1942-43 г. г. пост начальника русской вспомогательной полиции ("хильфсполицай") и руководивший арестами партизан, террористов и шпионов, массами засылавшихся на освобожденную от коммунизма Харьковщину. Харьков был занят еще осенью 1941 года и Климов, в прошлом репрессированный в ежовщину, сразу поступил в полицию, где год спустя был назначен начальником. Он отступил на Запад, в годы "охоты за черепами" сумел под чужой фамилией уцелеть как "остовец" и был обнаружен в Сибири лишь в 1968 году, то есть 23 года спустя. Расстрел Климова через сутки после приговора дает нам свидетельство того, что никакие амнистии не применяются и КГБ продолжает и теперь по всей стране разыскивать коллaborантов и устраивать показательные процессы со смертными приговорами. Это должно напугать будущих коллаборантов-антикоммунистов на случай новой оккупации.

Либеральный по советским масштабам "Новый мир" под редакцией поэта А. Т. Твардовского по-прежнему задерживается цензурой, чего не видим в отношении других ежемесячных журналов. Сентябрьский 9-й номер был сдан в цензуру 26-го августа, как и другие журналы, но разрешение его печатать было дано только 13-го ноября, почему вместо сентября номер вышел в конце ноября. В нем находим интересные рукописи поэта С. Я. Маршака, найденные после его смерти 7 июля 1964 г. Только через 4 года напечатаны подготовленные перед смертью его воспоминания "Дом, увенчанный глобусом". Мы, старые "питерцы", хорошо помним построенный академиком архитектуры П. Ю. Сизором против Казанского собора на берегу Екатерининского канала дом с

глобусом, где до революции помещался магазин швейных машин Зингера, а после революции во всех пяти этажах разместился Госиздат со всеми его редакциями и разными издательствами. Там проработал Маршак свыше тридцати лет. Он вспоминает, как устроил на работу голодающую при советском режиме популярную детскую писательницу Лицию Чарскую, но не смог издать ее роман из быта советских детей, ибо в нем сквозила прежняя памятная моим сверстницам — читательницам "Княжна Джаваха" и бедная писательница сказала: "Маршак говорит, что я сквозу". Лучше устроился зоолог Бианки, писавший рассказы для детей из жизни животных. Там же работали и кормились молодой оппозиционный писатель Каверин и старый шлиссельбуржец Новорусский, а А. Н. Толстой переводил с итальянского "Приключения Буратино" (тип нашего Петрушки). 60-летняя Т. А. Богданович издала для детей роман "Соль Вычегодская" из жизни рабочих соловьев. С трудом добывался Маршак издания детских рассказов Л. Н. Толстого. Перед нами проходят первые запуганные детские писатели советской эпохи, среди которых самым популярным был несомненно Корней Чуковский.

Вероятно, для задабривания цензуры помещены лживые мемуары маршала Н. И. Крылова, бывшего в 1941 году начальником штаба обороны Одессы. По его словам выходит, что немцы и румыны ежедневно терпели поражения и гарнизон Одессы их далеко отгонял, но тогда непонятно, почему они опять оказывались под самым городом. Чтобы объяснить сдачу города, он уверяет, что после прорыва немцев через Переяк (хотя тут их не прогнали в период осеннего наступления) надо было защищать Севастополь, а потому Сталин приказал оставить Одессу, которую было бы трудно снабжать при потере Крыма. Как раз намечалось большое наступление из Одессы и очередной разгром немцев, когда пришел приказ оставить город в октябре 1941 года. Для маскировки немцев еще раз разгромили и далеко отгнали оставшиеся части гарнизона (ударные части были переброшены в Крым), затем весь гарнизон незаметно был перевезен в Севастополь, а немцы еще пять дней не решались вступить в покинутый город, где их начали бить оставшиеся в городе партизаны. В наступившем 1969 году маршал Крылов напечатает в нескольких номерах "Оборону Севастополя", где опять будем читать о постоянных германских поражениях и бегствах, в результате которых они... летом 1942 года овладели Севастополем.

Эти рассказы о постоянных разгромах немцев и их отступлениях, которые привели их к Сталинграду и горам Кавказского хребта, производят жалкое впечатление. Было бы умнее не обманывать читателей, а лучше описывать действительно имевшие место советские победы 1943-45 г. г., чем фальсифицировать историю первых двух неудачных для сталинского клики годов войны.

Только теперь с опозданием узнал, что 2 сентября прошлого года скончался выдающийся географ Андрей Александрович Григорьев, которого в дни молодости встречал в Петрограде, как убежденного монархиста, вынужденного подлаживаться под новый режим и всегда стремившегося в создаваемых им учреждениях сосредоточить близкие ему по идеологии кадры молодежи и датькусок хлеба верным в прошлом слугам монархии. Андрей Александрович родился в 1883 году в семье столичного судебного деятеля эпохи славной рефор-

мы Императора Александра II и кончил в 1907 году физико-математический факультет в Петербурге по отделению географии, причем говорил нам, что никогда не сочувствовал революционному движению среди студенчества смутной поры 1904-7 г. г. Стал образцовым преподавателем географии в столичных мужских гимназиях и после революции начал работать в Академии Наук. В 1918 году организовал при содействии академика А. Е. Ферсмана Географический Институт, чему помогло его участие в географических научных экспедициях на Южный Урал, в Якутию и на Кольский полуостров еще в дореволюционные годы.

С 1925 года его Институт был влит в Университет в качестве географического факультета и А. А. Григорьев по рекомендации весьма далеких от коммунизма проф. международного права и бывшего инспектора Александровского Лицея И. М. Ивановского и проф. государственно-правового Я. М. Магазинера привлекли меня преподавать международное право будущим географам. Курс я вел по два часа в неделю с осени 1927 года по день моего ареста в 1930 году, что позволило мне ближе познакомиться с ним — деканом факультета. В дальнейшем он возглавлял географический отдел КЕПС (Комиссии по изучению естественных производительных сил), организовавший научные экспедиции во все концы Советского Союза. Он научно обосновал доктрину, по которой географическое положение страны и ее естественные богатства, наличие судоходных рек и морских портов определяют ее историческую судьбу.

В 1939 году Григорьев избран членом Академии Наук, что позволило ему расширить круг своих научных работ. Увы, в 1946 году он вступил в партию, что объясняло лишь победоносным для коммунизма окончанием войны при поддержке западных демократических союзников Сталина: 63-летний ученый пришел к выводу, что ему до свержения коммунизма не дожить, а партбилет помогает получать ассигновки на полезные будущей России научные работы. До конца своей жизни он продолжал руководить из своего кабинета проводимыми его учениками экспедициями и обработкой их результатов. Перу скончавшегося в возрасте 85 лет академика принадлежат следующие работы: "Опыт аналитической характеристики состава и строения земной коры" (1937 г.), "Земная поверхность Якутии", "Земная поверхность Южного Урала", "Тундра", "География СССР" (в 4-х томах), "Субарктические страны" (1950 г.). За последнюю работу он получил Сталинскую премию. В этих работах определяется цельность географической среды с обменом веществ и энергии, соотношения тепла и влаги, накопления и таяния снежного покрова и пр.

Кончая статью хочу еще поделиться с читателями теми скучными московскими новостями, которые до меня еще не дошли, когда я начинал настоящую статью. Иностранных корреспондентов держат по-прежнему в неведении о ходе следствия, но от шоферов московских такси они узнали, что на другой день после стрельбы умер в госпитале шофер автомашины, раненный двумя пулями в голову и в позвоночник. "Правда" же ограничивается сообщением мелким шрифтом о стрельбе по космонавтам. Отчет о заседании в Академии Наук опускает ответы Леонова на вопросы журналистов и заключительные слова президента Академии Наук М. В. Келдыша, выразившего сочувствие по адресу раненных шоферов и мотоциклиста, из которых первый в то время уже скончался. Зато газеты помещают телеграмму Косыгина с поздравлениями Индире Ганди по случаю национального праздника, что показывает, что он, подобно Ганди, остается главой правительства. Значит формально занимает свой прежний пост; однако отсутствие премьера на встречах новых героев космоса заставляет полагать, что он так болен, что не мог прилететь на это торжество. В Москве острят, что телеграмму можно послать и от имени умирающего без его ведома, что показывает, как мало верят москвичи любым советским сообщениям. Только появление Косыгина в Москве могло бы положить конец тревожным слухам о его здоровье и политической репутации.

Алексей Ростов

**ВИКТОР ЯНИШЕВСКИЙ**  
Abogado y Ex-Juez de Tribunal  
de Yugoslavia  
**TRADUCTOR PUBLICO**  
БЮРО  
Присяжных Переводчиков  
М. Д. ГОЧЕВАР и ЭДИТ ГИРШ  
Переводы на русский и все остальные языки. Документы из Советского Союза и остальных стран Света, для получения гражданства, пенсии, паспортов, Cedula de Identidad, исправление имен и пр. Вызов родственников из Советского Союза и поездки в Советский Союз.

LAVALLE 1570, p. 4  
T. E. 46-5238 у 5529 - Buenos Aires

# ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

## МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ

Нам пишут из Нью Иорка:  
Из авторитетного источника “Нашей Стране” сообщают, что в состоянии здоровья заболевшего во второй половине 1968 года первоиерарха Русской Зарубежной Церкви, митрополита Филарета, наступило улучшение.

Больному разрешены небольшие прогулки. Он имеет возможность присутствовать при совершающихся в Ново-Дивеевском монастыре богослужениях, но сам еще не служит. Под его председательством в Ново-Дивееве состоялось заседание Архиерейского Синода.

## ПОЧАЕВСКАЯ ЛАВРА

Нам пишут из Нью Иорка:  
Украинская пресса в Соединенных Штатах сообщила, что Почаевская Лавра на Волыни закрыта большевиками. В сообщении сказано, что все, жившие в Лавре инохи и послушники оттуда принужденно выселены.

Подтверждения этой информации из других источников нет.

## МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Нам пишут из Нью Иорка:  
Ведающий отделом внешних сношений московской патриархии митрополит Никодим прилетел из СССР в Соединенные Штаты для участия в состоявшейся в Тульзе сессии исполнительного комитета Мирового Совета Церквей.

Сопровождаемый экзархом московской патриархии в Америке, архиепископом Ионафаном, митрополит Никодим прервал свое путешествие из Нью Иорка в Тульзу для того, чтобы неожиданно появиться в Мемфисе и произнести там речь в заседании американского Национального Совета Церквей, в состав которого входят церковные объединения той же политической ориентации, что и группы, представленные в Мировом Совете Церквей.

В этой речи, сказанной по-русски, митрополит Никодим, как он всегда это делает в таких случаях, говорил о необходимости мира и мирного сосуществования коммунистических и свободных государств, но на этот раз он упомянул и необходимость приближения того дня, когда “мы все будем едины” и в религиозном отношении.

Таким образом, представитель московской патриархии, в свое время относившийся отрицательно к экуменическому движению, теперь назвал цель этого движения — создание “всемирной Церкви” — свою целью.

## С. АЛЛИЛУЕВА

Нам пишут из Нью Иорка:  
Проживающая в Принстоне, университете городе в штате Нью Джерзи, где она купила дом, дочь Сталина написала вторую книгу, которую назвала “Только один год”.

По ее желанию, книга эта переведется на английский язык 79-летним князем П. А. Чавчавадзе, сыном расстрелянного большевиками в 1930 году князя Александра Чавчавадзе и мужем княгини Нины Георгиевны, отец которой, Великий Князь Георгий Михайлович, был расстрелян большевиками в 1918 году.

П. А. Чавчавадзе сказал американским журналистам, что он никогда не видел С. Аллилуеву, но многократно говорил с ней по телефону, когда перевел в июле 1968 года с русского на английский язык ее письмо проживающей во Франции русской эмигранке, опубликованное “Русской Мысли” и “Новым Русским Словом” и перепечатанное по-английски “Нью-Йорк Таймсом”.

С. Аллилуева, оставшаяся недовольной переводом ее книги “Двадцать писем другу”, обратилась к П. А. Чавчавадзе с просьбой перевести вторую, а он согласился эту просьбу исполнить.

## КОЛЛЕКЦИЯ М. ПОСТ

Нам пишут из Нью Иорка:  
Владелица одного из самых больших американских состояний, престарелая Марджори Пост, сообщила, что она завещала Смитсонионскому институту в Вашингтоне свою великолепную усадьбу в этом городе со всеми собранными в этой усадьбе коллекциями.

Самой значительной частью этих коллекций является исключительное по кол-

ноте и редкости собрание русского фарфора как императорского, так и частных заводов. Оно содержит, в частности, все русские орденские сервизы. Не ограничиваясь фарфором, М. Пост собрала множество русских орденских знаков, ювелирных изделий, бронзы и т. д., но, по мнению Смитсонионского института, ее собрание русского фарфора — наиболее полное и ценное из всех, существующих в мире.

Этой коллекции посвящены два тома ее описания, изданные в 1968 году и состоящие большей частью из цветных и не цветных фотографий этого собрания. Первый том посвящен изделиям русских частных фарфоровых заводов, а второй — изделиям императорского завода.

## СОВЕТСКИЕ “ВОСПОМИНАНИЯ”

Нам пишут из Нью Иорка:

В полученном здесь декабристском номере московского журнала “Театр” за 1968 год напечатаны “воспоминания” Б. Петкера о гастролях Художественного театра в Париже во время всемирной выставки 1937 года.

Часть этих “воспоминаний” описывает тех русских эмигрантов, которых Петкер видел тогда во Франции. Описание, в отдельных случаях, становится карикатурой. Так, например, он написал, что “крупнейший нефтепромышленник” П. О. Гусаков не мог “оторваться от удобного кресла в зрительном зале” во время представления “Врагов” Максима Горького потому, что в этой пьесе затронута проблема частной собственности.

В. В. Шульгина автор “воспоминаний” назвал редактором парижского “Возрождения” и изобразил “с пушистыми усами”. Тэффи, по его словам, приходила на спектакли Художественного театра, “блестя модной французской прической”, а П. Н. Милюков — “в визите и полосатых брюках, как Макс Линднер”. Петкер написал, что он не видел на этих спектаклях И. А. Бунину и А. И. Куприна, а затем признался, что в эмиграции сохранился “какой-то другой русский язык, какие-то другие переливы гласных и особая, изысканная манера говорить”.

Называв это “аристократической манерой”, он прибавил, что “на наших улицах и в учреждениях такую речь уже не услышишь — речь опростилась и превратилась в скороговорку, стало некогда выслушивать церемонные обороты, а вот в Париже эта рафинированная речь сохранилась во всей своей неприкословенности и я услышал ее”.

## НЕПОЛНАЯ БИОГРАФИЯ

Нам пишут из Нью Иорка:

В русских зарубежных газетах появились в последнее время статьи превозносящие существующую в Вашингтоне фирму “Виктор Камкин” и ее владельца, В. П. Камкина.

В парижской “Русской Мысли” восторженную статью о В. П. Камкине написала поэтесса Ирина Одоевцева, дважды побывавшая в Америке по приглашению этой фирмы, издавшую ее книгу “На берегах Невы” и подготавливающую издание второй книги “На берегах Сены”.

В “Новом Русском Слове” статью о В. П. Камкине написала сотрудница этой газеты Т. Родзянко.

“Это предприятие — написал она — существует с марта 1953 года, а с весны 1968 года оно еще увеличилось покупкой полумиллиона книг... Книжный магазин В. Камкина помещается в особняке типа небольшого средневекового замка, толщина стен которого уберегла его от пожара, когда во время прошлогодних расовых беспорядков сгорели все окружающие его дома”.

Т. Родзянко сообщила затем, что В. П. Камкин 16-летним юношей участвовал в вооруженной борьбе с большевиками, эмигрировал затем в Китай, где в 1929 году основал свое первое издательское дело, а теперь владеет в Вашингтоне книжным складом, в котором находится около 2-х миллионов книг.

Т. Родзянко написала затем, что в 1958 году фирма В. П. Камкина получила “из

# Музей Русской Культуры в Сан Франциско

Музеем в древности назывался храм муз, место, посвященное музам, то есть науке, поэзии и искусству. Такие музеи были в Афинах, Пергаме, Антиохии, Византии и, наконец, один из самых больших был в Александринии. Эти места были посвящены собраниям редкостей и древностей. Отсюда пошло русское слово “музей”. Музеи люди заводили во время всех веков человеческой культуры, бережно хранили их и старались передать последующим поколениям собранные ценности и любовь к созищанию и хранению таковых. Во время колосальных переворотов и катастроф как физических, так и политических иногда гибли эти сокровища и вместе с дымом горящего здания музея погибали такие ценности, обладание которыми помогли бы нам раскрыть тайну исторических событий или подвинуться вперед по лестнице культуры. Так, при пожаре Александринской Библиотеки-Музея погибло много такого ценного материала, имея который сейчас, мы, может быть, знали бы и понимали как историю, так и науку по-другому.

У нас на Руси, Руси деревянной, скончалась

лько таких сокровищ погибло в огне пожарищ? В XVIII веке да и раньше жители города горели, приблизительно, раз в 30 лет, не говоря уже о разгромах при нашествиях и бунтах. В 1812 году во время нашествия Наполеона, сгорела знаменитая Библиотека и собрание древних русских рукописей Мусин-Пушкина. А сколько таких библиотек и сокровищ погибло и раньше? До Петра I собирались древностями не было государственно-имперским занятием, а было более или менее случайнм делом царских казначейств и церковных ризниц. Петр Великий, устанавливая Кунсткамеру, постановил собирать все, что “зело старо и необыкновенно”, между прочим при Кунсткамере было собранье медалей. Далее, в XVIII веке стали собирать редкие вещи при Мастерской и Оружейной Палате “для куропетт”.

Некоторые, конфискованные у опальных вельмож вещи, направлялись тоже в Оружейную Палату, и так потихоньку накаплялись сокровища, которые мы видели в русских музеях. Многие русские люди были любителями старин, и в частных руках собирались богатства, которые впоследствии или дарились государству, как, например, Третьяковская галерея, или же распродавались и тем самым пополняли как музейные экспонаты, так и собирания любителей редкостей.

Эпос полувековой борьбы с коммунистической властью создал массу редких предметов и документов. Русские люди заграницей основали много музеев и собраний редкостей. Собранные предметы и документы являются живыми свидетелями того, что было и того, как это произошло. Такие собрания дают будущему историку нужный материал и правильное освещение событий. В нашей стране теперешнего дня есть определенное намерение исказать события, поставить их под одним коммунистическим углом и уничтожить и извернуть все, что не соответствует их пониманию истории. Я сказал бы с прискорбием, что они достигают своей цели.

В американской исторической науке есть люди, которые слепо следуют советским источникам и извращенную истину принимают за должное объяснение исторических событий. Как нам убедить таких людей в ошибках? Только наличие подлинных документов может быть неоспоримым доводом в нашу пользу. Когда Советы заняли Прагу, одним из первых дел было захват и вывоз в Советскую Россию Пражского Русского Архива, где были собраны ценные документы, касающиеся времен Революции и Гражданской войны. Мы лишились, таким образом, наших оправдательных документов.

Музей Русской Культуры в Сан Франциско был основан после ряда таких катастроф, которые были результатом Второй Мировой войны и итог которых может быть подведен, как увоз Пражского Архива, разгром Дальневосточных и Югославских музеев и архивов, гибель Парижской Тургеневской Библиотеки. Неужели мы, русские люди, будем безучастно следить, как гибнут наши сокровища и молчать, когда будут извращать нашу многострадальную историю “за неимением документов”.

Я обращаюсь ко всем русским людям заграницей: помогите Музею Русской Культуры в Сан Франциско! Если у вас есть старые предметы или документы на руках, пошли их в Музей. Один документ не есть доказательство, но собрание однородных скажет то, что не скажет тысяча книг и доводов. Если кто может оказать денежную помощь Музею, то Музей очень нуждается в деньгах как для хранения документов, так иногда и для покупки таковых.

Вступайте в члены Музея! Ничего, что сейчас вы не можете помочь Музею, может быть, в будущем ваша помощь будет нужна. Помните, что Музей Русской Культуры в Сан Франциско старается бережно сохранять документальную память о событиях, перенести ее потомству и не дать неправде восторжествовать над исторической истиной.

Н. Слободчиков

Адрес Музея:

Museum of Russian Culture  
2450 Sutter Street  
San Francisco 94115, California,  
U.S.A.

Союз Участников 1-го Кубанского Генерала Корнилова Похода в Аргентине сообщает, что 23-го февраля с. г. в 51-ю годовщину начала этого Похода в церкви Св. Владимира (San Martin 344, Villa Ballester) в 16 часов будет отслужен МОЛЕБЕН с поминовением павших в боях и в мире скончавшихся участников Похода. После молебна в Корпусном Доме состоится доклад Пол. Рябинского, посвященный этому Походу.

# КРИТИКА СОБРАНИЙ СОЧИНЕНИЙ И. А. БУНИНА

(КРС) В связи с обострившейся идеологической борьбой интересна статья литературного критика Леонида Усенко из Ростова-на-Дону о девятитомном собрании сочинений И. А. Бунина — «Собрание сочинений: отбор, комментарий» («Литературная газета», 5.6.68).

Уже не первый литературный критик нападает на издательство «Художественная литература», на А. Твардовского и некоторых комментаторов, участвовавших в 1965-1967 годах в издании собрания сочинений И. А. Бунина в девяти томах.

Отдавая должное русскому классику Ивану Бунину, критикуя некоторых комментаторов собрания, неправильно, с точки зрения критика, поясняющих мировоззрение И. А. Бунина, Леонид Усенко осуждает издателей за включение в собрание сочинений очерка «Третий Толстой» и сожалеет о том, что «необъективная» статья И. Бунина о Куприне осталась непрокомментированной.

Л. Усенко нападает и лично на А. Твардовского за неполноту и беглость его вступительной статьи к первому тому.

Веря на слово К. Федину, Л. Усенко в своей критической статье повторяет ложь о Бунине, произнесенную Фединым на Втором всесоюзном съезде советских писателей, будто бы Бунин в Париже после войны взял советский паспорт, стал «советским гражданином» и хотел вернуться в Советскую Россию.

Критик Усенко сожалеет, что в новом издании, в которое вложен огромный труд «литературоведов, текстологов, редакторов», во вступительной статье А. Твардовского к первому тому о бунинском мастерстве «менее интересен... анализ поздней прозы Бунина».

Л. Усенко справедливо замечает, что по этому изданию впервые советский читатель знакомится как со многими довоенными бунинскими стихами и рассказами, так и с позднейшим периодом творчества писателя. По этому изданию впервые перед советским читателем возникает мир художественных исканий Ивана Бунина. Не только Бунин — прозаика и поэта, но и Бунина — переводчика, теоретика, мемуариста, литературного критика и исследователя.

После таких вполне объективных замечаний Л. Усенко в своей критической статье сетует на то, что А. Твардовский о демократическом настроении у юного Бунина заключает только по известным уважительным отзывам писателя о поэзии Некрасова и восторженной рецензии на стихотворение И. С. Никитина. Л. Усенко считает, что идеально-творческая позиция Бунина в его юные годы ярко раскрывалась и в художественных произведениях.

«Вот где демократизм начинающего прозаика проявился во всем блеске. Об этом, — заключает Л. Усенко, — к со-

жалению, не сказано в статье Твардовского».

Далее Л. Усенко, разбирая последний том собрания, пишет, что «более досадные и более серьезные недостатки» имеются в заключительном девятом томе издания. Подготовка текста и примечания в этом томе сделаны О. Михайловым. Но несмотря на то, что большую часть тома составили две замечательные книги Бунина — «Освобождение Толстого» и «О Чехове», а мемуарные записи о Шаляпине, Эртеле, Рахманинове... читаются, как пишет Усенко, «с подлинным наслаждением», критик Усенко находит, что все это не дает оснований не замечать предвзятости, тенденциозности оценок отдельных литературных явлений, содержащихся в публикациях этого тома.

«Известно, что социальная узость кругозора Бунина», — заключает критик Л. Усенко, — «а также присущая Бунину-мемуаристу желчная недоверчивость влияли на его литературные характеристики».

Критик Л. Усенко недоволен статьей О. Михайловы — «Примечания» в том же девятом томе, предшествующей комментариям, в которой Михайлов оговаривает ряд бунинских характеристик. По мнению Л. Усенко статья Михайловы не выполнила своей задачи.

«В ней нет глубокой, принципиальной оценки неверных суждений Бунина». Так, например, О. Михайлов в статье признается, что враждебные нападки Бунина на Маяковского, Блока, Есенина, «естественно, остались за пределами» девятого тома. На это Л. Усенко пишет: «Зачем же... нужно было включать в том, да еще и без должных комментариев, отрывки из очерка "Третий Толстой", окарикатурено и тенденциозно рисующие фигуру замечательного русского писателя Алексея Толстого? Из девятельский тон, в каком написан очерк "Третий Толстой", связан с белозим-грантскими настроениями И. В. Бунина». «...Озлобленностью проникнут весь очерк "Третий Толстой". Его автор с радостью вспоминает, как первая русская "революция довольно скоро провалилась", не забывая отметить, что при этом "успели русские мужички - "богомосцы" скжечь и разграбить множество дворянских поместий".

Недоволен Л. Усенко еще и тем, что в девятом томе осталась непрокомментированной статья Бунина о Куприне. Странным кажется критику Усенко и то, что в анализе конкретных бунинских высказываний, и в самом «подборе публикаций девятого тома» не нашла подтверждения мысль О. Михайловы о том, что Бунин через сорок лет устроил своего рода Варфоломеевскую ночь собратьям по литературному цеху.

Все же, в заключение, критик Л. Усенко радуется, что девять томов сочинений И. А. Бунина пополнили книжную

полку у тех, кому дорога «великая русская литература». Усенко жалеет, что в новом издании есть, с его точки зрения, пробелы и просчеты, «которые находятся в очевидном противоречии с тем уровнем научной объективности, что утвердился в нашем литературоведении».

Странная научная объективность, требующая не включать в почти полное собрание сочинений И. Бунина его мировоззренческие суждения и литературные характеристики.

Далее мы печатаем отрывки из очерка «Третий Толстой», взятые нами из книги «Воспоминания» Бунина:

## «ТРЕТИЙ ТОЛСТОЙ»

«Третий Толстой» — так нередко называют в Москве недавно умершего там автора романов «Петр Первый», «Хождение по мукам», многих комедий, повестей и рассказов, известного под именем графа Алексея Николаевича Толстого: называют так потому, что были в русской литературе еще два Толстых, — граф Алексей Константинович Толстой, поэт и автор романа из времен царя Ивана Грозного «Князь Серебряный» и граф Лев Николаевич Толстой. Я довольно близко знал этого Третьего Толстого в России и в эмиграции. Это был человек во многих отношениях замечательный. Он был даже удивителен сочетанием в нем редкой личной безнравственности с редкой талантливостью всей его натуры, наделенной к тому же большим художественным даром. Написал он в этой «советской» России, где только чекисты друг с другом советуются, особенно много и во всех родах, начавши с площадных сценариев о Распутине, об интимной жизни убиенных царя и царицы, написал вообще не мало такого, что просто ужасно по низости, пошлости, но даже и в ужасном оставаясь талантливым. Что до большевиков, то они чрезвычайно гордятся им не только как самым крупным «советским писателем», но еще и тем, что был он все-таки граф да еще Толстой». Недаром «сам» Молотов сказал на каком-то «Чрезвычайном восьмом съезде Советов»:

«Товарищи! Передо мной выступал здесь всем известный писатель Алексей Николаевич Толстой. Кто не знает, что это бывший граф Толстой! А теперь? Теперь он товарищ Толстой, один из лучших и самых популярных писателей земли советской!..»

В эмиграции, говоря о нем, называли его то пренебрежительно, Алешкой, то снисходительно и ласково, Алешей, и почти все забавлялись им: он был веселый, интересный собеседник, отличный рассказчик, прекрасный чтец своих произведений, восхитительный в своей откровенности циник; был наделен немальным и очень зорким умом, хотя любил прикидываться дураком и беспеч-

ным шалопаем, был ловкий рвач, но и щедрый мот, владел богатым русским языком, все русское знал и чувствовал как очень немногие... Вел он себя в эмиграции и впрямь «Алешкой», хулиганом, был частым гостем у богатых людей, которых за глаза называл сволочью, и все знали это и все-таки все проща-ли ему: что ж, мол, взять с Алешки! По наружности он был породист, рослый, плотный, бритое полное лицо его было женственно, пенсне при слегка от-кинутой голове весьма помогало ему иметь в случаях надобности высокомерное выражение; одет и обут он был всегда дорого и добротно, ходил носками внутрь, — признак натурь упорной, настойчивой, — постоянно играл какую-нибудь роль, говорил на множестве ладов, все меняя выражение лица, то бормотал, то кричал тонким бабьим голосом, иногда, в каком-нибудь «салоне», сююкал как великосветский фат, хохотал чаще всего как-то неожиданно, удивленно, выпучивая глаза и давясь, крякая, ел и пил много и жадно, в гости напивался и объедался, по его собственному выражению, до безобразия, но, проснувшись, на другой день, тотчас обматывал голову мокрым полотенцем и садился за работу: работник был он первоклассный.

Был ли он действительно графом Толстым? Большевики народ хитрый, они дают сведения о его родословной двусмысленно, неопределенно, — например, так:

«А. Н. Толстой родился в 1883 году, в бывшей Самарской губернии, и детство провел в небольшом имении второго мужа его матери, Алексея Бострома, который был образованным человеком и материалистом...»

Тут без хитрости сказано только одно: «родился в 1883 году, в бывшей Самарской губернии...» Но где именно? В имени графа Николая Толстого или Бострома? Об этом ни слова, говорится только о том, где прошло его детство. Кроме того, полным молчанием обходится всегда граф Николай Толстой, так, точно он и не существовал на свете: полная неизвестность, что за человек он был, где жил, чем занимался, виделся ли когда-нибудь хоть раз в жизни с тем, кто весь свой век носил его имя, а от его титула отрекся только тогда, когда возвратился из эмиграции в Россию. Сам он за все годы нашего с ним приятельства и при той откровенности, которую он так часто проявлял по отношению ко мне, тоже никогда, ни единим звуком не обмолвился о графе Николае Толстом. За всем тем касаюсь я его родословной только по той причине, что, до своего возвращения в Россию, он постоянно козырял своим титулом, спекулировал им и в литературе и в жизни. Страсть ко всяческим житейским благам и к приобретению их настолько велика была у него, что, возвратившись в Россию, он в угоду Кремлю и советской черни тотчас же принял не только за писание гнусных сценариев, но и за сочинения пасквилей на тех самых буржуев, которых он объедал, опивал, обирал

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 35

Печатается без ведома и согласия автора.

# РАКОВЫЙ КОРПУС

Ася обронила это, уверенно зная, какая мордочка чего стоит. Она, видно, не прошла никакой стадии болезни, болей, вымучивания, потери аппетита и она, она еще не потеряла свежести, румянца, она просто прибежала из своих спортивных залов, со своих танцевальных площадок на три дня на исследование.

— А хорошие преподаватели есть? — спросил Демка, чтоб только она не замолчала, говорила что-нибудь, а ему на нее посматривать.

— Не, нету! Индуки надутые! Да вообще — школа!.. Говорить не хочется.

Ее веселое здоровье перехлестывалось и к Демке. Он сидел, благодарный ей за болтовню, уж совсем не стесненный, развязный. Ему ни в чем не хотелось с ней спорить, во всем хотелось соглашаться, вопреки своим убеждениям. И с ногой бы он облегчился и согласился, если б нога не грызла и не напоминала, что он увязал ее и еще сколько-то вытащил — по голени? По колено? или полбдара? А из-за ноги и вопрос «чем люди живы?» — оставался для него из главных. И он спросил:

— Ну, а правда, как ты думаешь? Для чего... человек живет?

Нет, этой девченке все было ясно! Она помотрела на Демку зеленоватыми глазами, как бы не веря, что он не разыгрывает, что он серьезно спрашивает:

— Как для чего? Для любви, конечно!

Для любви!.. «Для любви» и Толстой говорил, да в каком смысле? И учительница вон от них требовала «для любви» — да в каком смысле? Демка все-таки привык до точности доходить и своей головой обрабатывать.

— Но ведь... — с захрипом сказал он (просто-то стало просто, а выговорить все же неудобно), — любовь — это ж... Это ж не вся жизнь. Это ж... иногда. С какого-то возраста. И до какого-то...

— А с какого. А с какого? — сердито допрашивала Ася, будто он ее оскорбил. — В нашем возрасте вся и сладость, а когда же еще? А что в жизни еще есть, кроме любви?

В поднятых бровках так была она уверена, что ничего возразить нельзя — Демка и не возражал. Да ему послушать-то надо было, а не возражать.

Она завернулась к нему, наклонилась и, ни одной руки не протянув, будто обе протягивала через развалины всех стен на земле:

— Это наше всегда! И это — сего дня! А кто что языками мелет — это не наслушаешься, то ли будет, то ли нет. Любовь!! — и все!

Она с ним до того была проста, будто они уже сто вечеров толковали, толковали... И кажется, если б не было тут этой санитарки с семечками, медсестры, двух шашников да шаркающих по коридору больных, — то хоть сейчас, тут, в этом закоулке, в их самом лучшем возрасте она готова была помочь ему понять, чем люди живы.

И постоянно, даже во сне грызущая, только что грызшая Демкина нога за-былась, и не было у него большой ноги. Демка смотрел в распахнувшийся Асин ворот, и рот его приоткрылся. То, что вызвало такое отвращение, когда делала матер, — в первый раз представилось ему ни перед кем на свете не виноватым, ничем не испачканным — достойным перевесом всего дурного на земле.

— А ты — что? — полуслепотом спросила Ася, готовая рассмеяться, но с сочувствием. — А до сих пор не... Лопушок, ты еще не...?

Ударило Демку горячим в уши, в лицо, в лоб, будто его захватили на крае. За двадцать минут этой девченкой сбитый со всего, в чем он укреплялся годами, с пересохшим горлом он, как пощаду выпрашивал, спросил:

— А ты...?

Как под халатом была у нее только сорочка, да грудь, да душа, так и под словами она ничего от него не скрывала, она не видела, зачем прятать:

— Фу, да я — с девятого класса!.. А одна у нас в восьмом забеременела! А одну на квартире поймали, где... за деньги, понимаешь? У нее уже своя сберкнижка была! А как открылось, — в дневнике забыла, а учительница на-шила. А сейчас, у нас половина девчонок!.. Да чем раньше, тем интересней! А чего откладывать? Атомный век!..

"в долг" в эмиграции, и за нелепейшие измышления о каких-то зверствах, которыми будто бы занимались в Париже русские "белогвардейцы".

Совершенно правильны, вероятно, сведения о том, когда он родился и где прошло его детство. Но что было дальше? По свидетельству его советских биографий, снабженных его собственными автобиографическими показаниями, было вот что:

"В великую Октябрьскую революцию Толстой растерялся... Уехал в Одессу, зиму прожил там. Весною 1919 г. уехал в Париж. О жизни в эмиграции он сам написал в своей автобиографии так: "Это был самый тяжелый период в моей жизни..." В 1921 году он уехал из Парижа в Берлин и вошел в группу смено-веховцев. Вернувшись на родину, написал ряд произведений о белых эмигрантах, о совершенном одичании белогвардейцев, о своей эмигрантской тоске в Париже... Его разочаровало предсмертное веселье парижских кабаков, кашмары белогвардейских расстрелов и расправ... Он писал на родине еще и сатирические картины нравов капиталистической Америки, о которых гениально писал и великий советский поэт Маяковский..."

Сам Толстой, конечно, помирал со смеху, писав свою автобиографию, говоря о своей эмигрантской тоске, о тех кошмарах, которые он будто бы пережил в Париже, а во время "первой русской революции" и Первой Мировой войны "массу" всяческих душевных и умственных терзаний, и о том, как он "растерялся" и бежал из Москвы в Одессу, потом в Париж... Он врал всегда беззаботно, легко, а в Москве, может быть, иногда и с надрывом, но, я думаю, явно актерским, не доводя себя до той истерической "искренности лжи", с какой весь свой век чуть не рыдал Горький.

После нашего знакомства в "Северном Сиянии") я не встречался с Толстым года два или три. Но вот однажды Толстой неожиданно нанес нам визит в той московской гостинице, где мы останавливались, вместе с молодой черноглазой женщины типа восточных красавиц, Соней Дымшиц, как называли ее все, а сам Толстой неизменно так: "моя жена, графиня Толстая". Дымшиц была одета изящно и просто, а Толстой каким-то странным важным барином из провинции: в цилиндре и в огромной медвежьей шубе. Я встретил их с любезностью, подбадрившей слуха, раскланялся с графиней и, не удержавшись от улыбки, обратился к графу:

-- Очень рад возобновлению нашего знакомства, входите, пожалуйста, снимайте свою великолепную шубу...

И он небрежно пробормотал в ответ:

-- Да, наследственная, остатки прежней роскоши, как говорится...

И вот эта-то шуба, может быть, и была причиной довольно скорого нашего приятельства; граф был человек ума на-

\*) Бунин редактировал беллетристику этого журнала. Ред.

## АНОНС!

Центром Русских Белых в Аргентине приобретен документальный исторический фильм

## АНОНС!

# , ЦАРСТВОВАНИЕ Государя Императора Николая Второго"

воспроизведенный в 1968 году во Франции старанием Союза Ревнителей Памяти Императора НИКОЛАЯ II. Фильм охватывает время перед Первой Мировой войной и войны 1914-1917 г. г.

Этот исторически ценный фильм в ближайшем будущем будет демонстрироваться в Буэнос Айресе, о чем своевременно будет оповещено.

смешливого, юмористического, наделенного чрезвычайно живой наблюдательностью, поймал, вероятно, мою невольную улыбку и сразу сообразил, что я не из тех, кого можно дурачить. К тому же он быстро дружился с подходящими ему людьми и потому после двух, трех следующих встреч со мной уже смеялся, крякал над своей шубой, признавался мне:

"Я эту наследственность за гроши купил по случаю, ее мех весь в гнильях лысинах от моли. А ведь какое барское впечатление производит на всех!"...

Константинополь, Болгария, Сербия, Чехия — всюду в ту пору было полно русскими беженцами. То же было в Париже. Париж, куда мы приехали в самом конце марта, встретил нас не только радостной красотой своей весны, но и особенным многогодством русских, многие имена которых были известны не только всей России, но и Европе, — тут были некоторые уцелевшие великие князья, миллионеры из дельцов, знаменитые политические и общественные деятели, депутаты Государственной Думы, писатели, художники, журналисты, музыканты, и все были, невзирая ни на что, преисполнены надежд на возрождение России и возбуждены своей новой жизнью и той разнообразной деятельности, которая развивалась все более и более во всех поприщах. И с кем только не встречались мы чуть не каждый день в первые годы эмиграции на всяких заседаниях, собраниях и в частных домах! Деникин, Керенский, князь Львов, Маклаков, Стакович, Милюков, Струве, Гучков, Набоков, Савинков, Бурцев, композитор Прокофьев, из художников — Яковлев, Маяковский, Судейкин, Бакст, Шухаев; из писателей — Мережковские, Куприн, Алданов, Тэффи, Бальмонт. Толстой был прав в письмах ко мне в Одессу — в бездействии и в нужде тут нельзя было тогда погибнуть. Вскоре и мы не плохо устроились материально, а Толстые и того лучше, да и как могло быть иначе? Толстой однажды явился ко мне утром и сказал:

"Едем по буржуям собирать деньги; нам, писакам, надо затеять свое собственное книгоиздательство, русских журналов и газет в Париже достаточно, печататься нам есть где, но это мало, мы должны еще и издаваться!" И мы взяли такси, навестили нескольких "буржуев", каж-

дому из них излагая цель нашего визита в нескольких словах, каждым были приняты с отменным радушнем, и в три четыре часа собрали 160 тысяч франков, а что это было тридцать лет тому назад! И книгоиздательство мы вскоре основали, и оно было тоже немалым материальным подспорьем не только нам с Толстыми. Но у Толстых была постоянная беда: денег им никогда не хватало. Не раз говорил он мне в Париже:

— Господи, до чего хорошо живем мы во всех отношениях, за весь свой век не жил я так, только вот деньги черт их знает куда странно быстро исчезают в суматохе...

— В какой суматохе?

— Ну, я уж не знаю, в какой; главное то, что пустые карманы я совершил ненавижу, поехать куда-нибудь в город, смотреть на витрины без возможности купить что-нибудь — истинное мучение для меня; покупать я люблю даже всякую ненужную ерунду до страсти! Кроме того, ведь нас пять человек, считая эту эстонку при детях: вот и надо постоянно ловчиться...

Раз он сказал совсем другое: "А будь я очень богат, было бы чертовски скучно..." Но пока ловчиться все же было надо, и он ловчился: приехал в Париж, встретил там старого московского друга Крандиевских, состоятельного человека, и при его помощи не только жил первое время, но даже и оделся и обулся с порядочным запасом:

— Я не дурак, — говорил он мне смеясь, — тотчас накупил себе белья, ботинок, у меня их целых шесть пар и все лучшей марки и на великолепных колодках, заказал три пиджачных костюма, смокинг, два пальто... Шляпы у меня тоже превосходные, на все сезоны.

В надежде на падение большевиков некоторые парижские русские богатые люди и банки покупали в первые годы эмиграции разные имущества эмигрантов, оставшиеся в России, и Толстой продал за 18 тысяч франков свое несуществующее в России имение и, выпучив глаза, рассказывая мне об этом:

— Понимаете, какая дурацкая история вышла: я все им изложил честь честью, и сколько десятин, и сколько пахотной земли и всякий угодий, как вдруг спрашивают: а где же находится это имение? Я было заметался, как сукан сын, го...!" ●

11

Все-таки субботний вечер с его незримым облегчением как-то чувствовался. И в палатах ракового корпуса, хотя неизвестно почему: ведь от болезней своих больные не освобождались на воскресенье, ни тем более от размышлений о них. Освобождались они от разговоров с врачами и от главной части лечения — и вот этому-то, очевидно, и рада была какая-то вечно детская струнка в человеке.

Когда после разговора с Асей Демка, все осторожно ступая на ногу, завывавшую все сильней, одолел лестницу и вошел в свою палату, тут было оживленно, как никогда. Не только свои все и Сибгатов были в сборе, но еще и гости с первого этажа, среди них знакомые, как старый кореец Ни, отпущенный из радиологической палаты (пока в языке у него стояли радиевые иголки, его держали под замком, как банковую ценность) и совсем новенькие. Одни новички — русский, очень представительный мужчина с высоким зачесом, с пораженным горлом — только шопотом он говорил, сидел как раз на Демкиной койке, половину ее занимал: и все слушали — даже Мурсалимов и Егенбердинев, кто не понимал и по-русски.

А речь держал Костоглотов. Он сидел не на койке, а выше на своем подоконнике, и этим тоже выражал значительность момента. (При строгих сестрах ему б так не дали рассиживаться, но дежурят медбратья Тургун, свойский парень, который правильно понимал, что от этого медицина не перевернется). Одну ногу в носке Костоглотов поставил на свою койку, а вторую, согнув в колене, положил на колено первой, как гитару, и, чуть покачиваясь, возбужденный, громко, на всю палату рассуждал:

— Вот был такой философ Декарт. Он говорил: "Все подвергай сомнению!"

— Но это не относится к нашей действительности! — напомнил Русанов, строго поднимая палец.

— Нет, конечно, нет, — даже удивился возражению Костоглотов. — Я хочу только сказать, что мы не должны как кролики доверяться врачам. Вот пожалуйста, я читаю книгу, — он приподнял с подоконника раскрытую книгу большого формата, — Абрикосов и Струков. Патологическая анатомия, учебник для ВУЗов. И тут говорится, что связь хода опухоли с центральной нервной деятельностью еще очень слабо изучена. А связь удивительная! Даже прямо написано, — он нашел строчку, — редко, но бывают случаи с аномализом

не зная как сорвать, да к счастью вспомнил комедию "Каширская старина" и быстро говорю: в каширском уезде, при деревне Порточки... И, слава Богу, продал!".

Но прошел год, прошел другой, денег не хватало еще чаще, и Толстой стал бормотать:

— Совершенно не понимаю, как быть дальше! Сорвал со всех, с кого было можно, уже 37 тысяч франков, — в долг, разумеется, как это принято говорить между порядочными людьми, — теперь бледнеют, когда я вхожу в какой-нибудь дом на обед или на вечер. Зная, что я тотчас подойду к кому-нибудь, притворно задыхаясь: тысячу франков до пятницы, иначе мне пуля в лоб!..

В последний раз я случайно встретился с ним в ноябре 1936 года в Париже. Я сидел однажды вечером в большом людном кафэ, он тоже оказался в нем, — зачем-то приехал в Париж, где не был со времени отъезда своего сперва в Берлин, потом в Москву, — издалека увидел меня и прислал мне с гарсоном клочек бумаги: "Иван, я здесь, хочешь видеть меня? А, Толстой". Я встал и пошел в ту сторону, которую указал мне гарсон. Он тоже ужешел навстречу мне и, как только мы сошлись, тотчас закрикал своим столь знакомым мне смешком и забормотал: "Можно тебя поголовать? Не боишься большевика?" — спросил он, вполне откровенно насмехаясь над своим большевизмом, и с такой же откровенностью, той же скороговоркой и продолжал разговор еще на ходу:

— Страшно рад видеть тебя и спешу тебе сказать, до каких же пор ты будешь тут сидеть, дожидаясь нищей старости? В Москве тебя с колоколами встретили, ты представить себе не можешь, как тебя любят, как тебя читают в России...

Я перебил шутя:

— Как же это с колоколами, ведь они у вас запрещены.

Он забормотал сердито, но с горячей сердечностью:

— Не придирайся, пожалуйста, к словам. Ты и представить себе не можешь, как бы ты жил, ты знаешь, как я, например, живу? У меня целое поместье в Царском Селе, у меня три автомобиля... У меня такой набор драгоценных английских трубок, каких у самого английского короля нету... Ты что ж, воображаешь, что тебе на сто лет хватит твоей нобелевской премии?

Я поспешил переменить разговор, посидел с ним недолго, — меня ждали те, с кем я пришел в кафэ, — он сказал, что завтра летит в Лондон, но позвонит мне утром, чтобы условиться о новой встрече, и не позвонил, — "в суматохе!" — и вышла эта встреча нашей последней. Во многом он был уже не тот, что прежде: вся его крупная фигура похудела, волосы поредели, большие роговые очки заменили пенснэ, пить ему было уже нельзя, запрещено докторами, выпили мы с ним, сидя за его столиком, только по одному фужеру шампанского, го...!"! ●

ногого исцеления! Вы чувствуете, как написано? Не излечения, а исцеления! А?

Движение прошло по палате. Как будто из распахнутой большой книги выпорхнуло осозаемой радужной бабочкой самопроизвольное исцеление, и каждый подставил лоб и щеки, чтобы оно благодетельно коснулось его налету.

— Самопроизвольное! — отложив книгу, тряс Костоглотов растопыренными руками, а ногу попрежнему держал как гитару. — Это значит вот вдруг по необъяснимой причине опухоль трогается в обратном направлении! Она уменьшается, рассасывается и наконец ее нет! А?

Все молчали, рты приоткрыли сказке. Чтоб опухоль, ег о опухоль, вот эта губительная, всю жизнь перековеркавшая опухоль — и вдруг бы сама изошла, истекла, иссыкла, кончила?

Все молчали, подставляя бабочке лицо, только упрямый Поддуев заскрипел кроватью и, безнадежно набычившись, прохрипел:

— Для этого надо, наверно... чистую совесть.

Не все поняли: это он — сюда, к разговору, или свое что-то.

Но Навел Николаевич, который на этот раз не только со вниманием, а даже отчасти с симпатией слушал соседа-Оглоеда, нервно повернулся к Поддуеву и отчитал его:

— Да это же бред идеалистический! Причем тут совесть? Стыдитесь, товарищ Поддуев!

Но Костоглотов принял на ходу:

— Это ты здорово рубанул, Ефрем! Здорово! Все может быть, ни хрена мы не знаем. Вот, например, после войны читал я в журнале кажется "Звезда", так там интереснейшую вещь... Оказывается у человека на переходе к голове есть какой-то кровомозговой барьер, и те вещества или там микробы, которые убивают человека, пока они не пройдут через этот барьер в мозг — человек жив. Так отчасти же это значит?.

Молодой геолог, который приходил в палату, не покидал книг и сейчас сидел с книгой на койке, у другого окна, близ Костоглотова, иногда поднимал голову на спор. Поднял и сейчас. Слушали гости, слушали и свои. А Федерау у печки с еще чистой белой, но уже обреченной шеей, комочком лежал на боку и слушал с подушки.

(Продолжение следует)

# СОВЕТСКАЯ СЕМЬЯ

(КРС) Итог одного опроса московских работниц (журнал “Вестник статистики” № 8) показал, что между идеалом числа детей в семье и практическим размером семьи московских работниц почти нет расхождений. Подавляющее большинство высказалось за желательность иметь не более двух детей. Лишь очень немногие, лишь по одной из двадцати опрошенных полагали, что можно иметь и более двух детей. Всего лишь одна из более чем тысячи опрошенных работниц выразила мнение, что идеальным числом детей в семье можно считать пятеро ребят. О большем числе никто и не знался.

Возникает вопрос: почему желание ограничить семью малым числом детей, совпадающее с представлением об идеальной численности семьи, появилось у советской женщины, у представительниц передового московского пролетариата? Ведь это противоречит коммунистической идеологии и интересам советского государства!

В опубликованной недавно в “Литературной газете” дискуссионной статье Виктора Переведенцева “Сколько иметь детей?” — сделана попытка найти объяснения экономического порядка, которые доказали бы, почему уменьшение численности детей в советской семье стало общим явлением.

Первая из приведенных Переведенцевым причин — дети перестали быть материальной опорой родителей в старости. По достижении пенсионного возраста пожилые люди обеспечиваются в городе и в деревне пенсиями. Как ни мала эта пенсия, она все же больше, чем те средства, которые взрослые дети могут выделить своим родителям. В предреволюционной рабочей и крестьянской семье дети с малых лет становились помощниками в семье. При общине в деревне надели земли давались в соответствии с числом ртов в семье. Таким образом, в рабочей и крестьянской семье дети с сравнительно раннего возраста переставали быть обузой родителям.

Вторая причина, также убедительная, как и первая, — нынешние дети получают большее образование и дальше остаются на иждивении родителей. Бесплатное среднее образование и частичное бесплатное обучение в средней специальной и в высшей школе все равно требует, чтобы родители оказывали ма-

териальную поддержку своим детям. Так дети остаются на иждивении родителей до 20-25-летнего возраста. А так как теперь девушки получают одинаковое образование с юношами, то расходы родителей на образование детей не зависят от их пола. И, как пишет Переведенцев, “издержки семьи по воспитанию детей значительно возросли, а плоды этого воспитания во все большей степени получает общество в целом”.

Если бы в действительности отказ от большего числа детей объяснялся только этими двумя причинами, то решение вопроса о повышении рождаемости и числе детей решалось бы лишь чисто материальными мероприятиями — стимулированием многодетности государственно-пособиями, что, как известно, применяется и сейчас, но никак не приостанавливает сокращение численности членов простой семьи, то есть та-кой, в которой есть только родители и их дети.

Переведенцев предлагает платить зарплату матерям за воспитание детей, за-считывать время воспитания детей в рабочий стаж и таким образом прекратить дальнейшее снижение рождаемости — словом, ввести материальное стимулирование.

Но как объяснить материальными причинами, почему именно теперь, когда бытовые условия, якобы, улучшаются, склонность к многочисленному потомству катастрофически падает? Нет, сейчас на первый план выступают социально-этические, психологические и субъективные факторы, как, например, устойчивость самой семьи, взгляды мужа и жены на деторождение, бюджет свободного времени, продолжение собственного образования и тому подобное. Под влиянием многих обстоятельств и складывается общественное мнение в массах относительно желательного числа детей в семье — то общественное мнение, которое никак не совпадает с мнением газетно-пропагандным, идущим из идеологического центра КПСС.

Весьма важно отметить, что действительное, фактическое общественное мнение оказывает решительное влияние на практику планирования семьи и что фактическая численность детей совпадает с тем, что считается в широких массах идеалом для современной советской семьи.

О том, что общественное мнение играет, пожалуй, все большую роль в регулировании числа детей в семье, говорят следующие данные того же московского опроса относительно 1.089 матерей, не сбирающихся в ближайшие годы иметь еще по одному ребенку. Матерей этих спрашивали, какие причины заставляют их отказываться от возможности иметь еще по одному ребенку или откладывать рождение его на неопределенный срок.

Более половины опрошенных женщин сослались на причины материально-бытового характера: на жилищные условия, на материальное положение или на оба эти мотива вместе. Остальные работницы указывали на причины семейного и личного характера, в том числе на возраст одного из супругов, на состояние личного здоровья, на учебу, наличие малолетних детей и на трудности с уходом и воспитанием уже имеющихся детей.

Большинство из приведенных мотивов — простые оговорки, главная причина все же остается одна: даже в идеале нет стремления к многодетной семье.

Ссылка на материальные условия имеет ложное основание: именно семьи, живущие в лучших материальных условиях, и ограничиваются меньшим числом детей. При рассмотрении ответов москвичек на вопрос об отказе от увеличения детей в семье в зависимости от доходов семьи получены ответы 790 женщин: на материальное положение ссы-

## РУССКАЯ АМБУЛАТОРИЯ О.Р.Ю.Р.

Прием больных от 14.00 до 15.00 час.  
по субботам.

Адрес: Calle Vuelos Aires 2655,  
Olivos. Коллективы: 4, 143, 113, 215  
и железнодорожная станция “Dr. Ce-  
trangolo” (Mitre).

Стоимость визита — 50 песо.

Электрокардиограммы, рентген и анализы по сильно удешевленным ценам.

Заведующий амбулаторией — др.  
М. Царевский.

## ЗУБНОЙ ВРАЧ

Dra. PISAREDICH de HORNBAIN  
Docente de Facultad de Odontología  
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ  
(говорит по-русски)

Специальное лечение корней зубов.  
Бор-машина Ultrasónico.

Искусственные зубы.

Рентгеновские снимки.

Прием ежедневно от 14 до 20 час.  
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital  
T. E. 88 - 3605

(Один квартал от станции подземки  
Pueyrredón по линии Federico ‘La-  
crose’).

## ЦЕНТР РУССКИХ БЕЛЫХ

(Carlos Calvo 2851)

В субботу 22-го февраля 1969 г.

## МАСЛЕНИЧНЫЙ ВЕЧЕР

В программе:

КОНЦЕРТ — ТАНЦЫ — ЛОТЕРЕЯ — ОБИЛЬНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ БУФЕТ  
С РУССКИМИ БЛИНАМИ.

Выборы королевы русской колонии Буэнос Айрес на 1969 год.  
Начало в 21 час.

Столики заблаговременно можно заказывать по тел. 97-0447.

NICOLAS FEWR

## EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

Hitler solía recalcar en sus numerosos discursos que la Providencia era especialmente benevolente para con él. Si esta afirmación pudo considerar una vez como acertada, fué precisamente en los meses del otoño de 1941.

Más tarde veremos cómo jugó Alemania los “triunfos” que tenía, a principios de la guerra, con la Unión Soviética, y cómo Hitler aprovechó el favor que hacía él le discernía la Providencia.

Pero ya en aquel entonces, en el otoño de 1941, en la atmósfera política que circundaba al problema ruso, empezaron a aparecer nubes inquietantes.

Y la redacción de Nôvoe Slovo fué un punto propicio para observar los contornos de esa nubosidad.

Cerca de Alexanderplatz, una de las plazas más concorridas de Berlín, en el edificio inmenso y sombrío de la editorial e imprenta “König”, se encontraba la redacción del periódico ruso Nôvoe Slovo, donde comenzé a trabajar.

(Continuará)

далось 31,1% лиц с ниже-средними доходами и 24,9% — с более высокими заработками семьи. На плохие жилищные условия указывали 13,2% из первой группы и 18,3% — из второй, т. е. более обеспеченной группы. На учебу как на препятствие к рождению детей ссылались соответственно 1,8% и 0,9%; на семейные неурядицы — 5,5 и 2,8%; Довольствуются имеющимся потомством 1,8 и 2,5%; на трудности воспитания и ухода за малолетними детьми указывали в случае низких заработков — 5% опрошенных женщин и 6,24% из более обеспеченных семей.

Как вытекает из этих ответов, препятствие к рождению еще одного ребенка более обеспеченные семьи видят в плохих жилищных условиях и в трудности воспитания малолетних детей, хотя в этом отношении у них положение лучше, чем у семей с малыми заработками.

На какие бы причины ни ссылались женщины, факт остается фактом, что имеющиеся у матерей число детей почти соответствует их идеальному представлению о том, сколько нужно иметь детей. Как отмечают авторы московского социологического исследования, “среднее число детей только немного выше, чем среднее желаемое для своей семьи — 1,9 против 1,74”.

Опрос московских работниц дает объективную и очень яркую картину взглядов современной советской женщины на формирование и планирование семьи. Но исследователи не выяснили при этом или утаили от печати главное: почему создается такой отрицательный для роста населения идеал числа детей, идеал, по сути, антигосударственный. Корни зарождения подобного взгляда на размер семьи надо искать глубже, искать в самом положении советской семьи и в той перспективе будущего, которую видят средние подсоветские люди. В известной мере на этот вопрос отвечают статистические данные о движении браков и разводов в СССР.

При росте числа разводов происходит одновременно снижение числа заключаемых браков, что свидетельствует о распаде семьи, и этот развал семьи прогрессирует со все возрастающей скоростью. Так, если в 1950 году на каждого 100 браков приходилось всего 3,5 развода, то в 1960 году — уже 10,7, а в 1965 году — 18,4, то есть на каждые 5 браков приходилось по одному разводу.

Браки стали неустойчивыми, а поэому и стремление иметь детей естественно стало падать. А на прочность брака материальные условия не оказывают решающего влияния, как это показывают данные относительно причин разводов. Об этом писал достаточно подробно Харчев в книге “Брак и семья в СССР”, вышедшей в 1965 году. Блестящий анализ причин распада советской семьи дал зарубежный автор — Иван Алексеевич Курганов в двух своих работах: “Семья в СССР, 1917-1967” и “Женщины и коммунизм”.

Весьма важно отметить, что значительное количество браков заключается после очень кратковременного знакомства брачующихся друг с другом. Рас-

## НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ  
NUESTRO PAÍS  
Organo Monárquico Raúl

Editor-Director  
TATIANA K. DE DUBROWSKY  
MONROE 4219, Dep. 10  
BUENOS AIRES (30)  
T. E. 52-7426

## ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА

В “Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Соловьевича” поступили следующие суммы:  
от семьи Громовых — 16 дол., от Представителя в Брисбене (Австралия) М. П. Хатлова — процентные отчисления от продажи газеты — 14.10 австр. дол., от Б. Демченко — 200 песо, от К. Емцова — 4400 песо, от Н. Сапрунова — 2 дол., от Б. В. Сергиевского — 280 дол., от Ф. Буанова — 400 песо, от г-на Дрея — 50.00 фр., от И. Дмитриева — 10.00 фр., от о. Николая Ржановского — 30 дол., от четы Родинских — 20 нем. марок, от четы Ус-Маковских — 5 дол., от кн. С. С. Белосельского-Белозерского (январь) — 25 дол., от А. Стенковского — 400 песо, от о. Спиридона — 5 дол., от В. Заханевича — 10 дол., от Магазина “РУСЬ” (Сан Франциско) — 50 дол., от Архиепископа Серафима Чиканского и Детройтского (“Рождественский дар”) — 10 дол.

## КАЗНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В “Казну Великого Князя Владимира Кирилловича” поступили следующие суммы:  
от о. Спиридона — 5 дол.

## ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

A. V. НИКИТИНА ЧУЧУВАДЗЕ

Endodoncia — лечение корней зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonic.

Прием по предварительной записи. Понед., вторник, четверг и пятница от 15 до 20 час.

T. E. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A  
Один квартал от подземной жел. дор.  
Río de Janeiro по улице Corrientes.

смотрение 207 бракоразводных процессов в Ровенской области показало, что в 45,4% случаев разводившиеся были знакомы друг с другом перед вступлением в брак от одного дня до одного месяца, в одной трети случаев — от одного месяца до одного года. Одна из причин скоропалильных, необдуманных браков сводится к психологической установке, вызванной последствиями войны и террора власти, в результате чего нарушилось соотношение полов. Наличие значительного числа не вышедших замуж женщин старшего возраста отрицательно влияет на психику женщин младших поколений, вызывает у них опасения остататься незамужними. Девушки соглашаются на первое более или менее подходящее предложение брака.

Играет известную роль простота заглавной записи, отсутствие брачного обряда. Это не приучает серьезно относиться к вступлению в брак.

Немалую роль в неустойчивости семейной жизни играет и то, что очень часто браки заключаются без согласия родителей, а жить после вступления в брак нередко приходится с ними ввиду невозможности получить отдельную собственную жилую площадь. Отсюда частые конфликты, вмешательство старшего поколения в жизнь новобрачных, неурядицы в семье. Пьянство тоже причина развода семьи. В той же Ровенской области почти одна пятая разводов приходится на эту причину. А ведь немало несчастных, но не распавшихся семей живет, несмотря на хроническое пьянство одного из членов семьи. В подобных браках вполне естественно стремление ограничиться минимальным числом детей.

Корни большинства упомянутых на-ми причин разводов и несчастных браков специфичны для советских условий или именно в этих условиях наиболее отчетливо выступают. ●